

КРОКОДИЛ

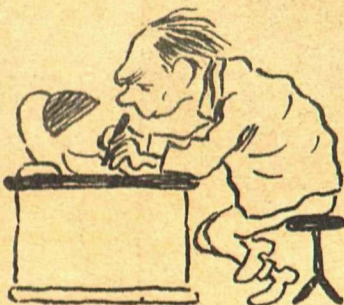
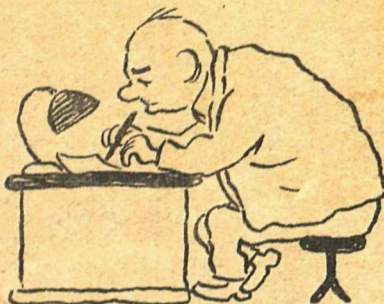

ОПРАВДАЛСЯ

— Вот одни ставят мне в вину, что я книг не читаю. Другие,—что не слежу за газетами. Третьи,—что ничего не делаю на работе!.. Так что же, на три части мне прикажете разорваться?!

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ...

или...

...геббельзонизация херстовского журналиста в процессе писания очередной статьи.

Рис. Г. Валька

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ПАРИЖ. В беседе с вашим корреспондентом один из руководителей местных реакционеров сказал: «Неудачный для нас результат референдума объясняется двумя несчастливими числами: во-первых, тринадцатым числом, в которое был проведён референдум; во-вторых, числом демократически настроенных французов».

БУХАРЕСТ. Лидер румынских реакционеров Маниу потребовал посылки в Ру-

мынию иностранных контролёров для наблюдения над предстоящими выборами. «Находясь сам уж долгие годы под иностранным контролем, — заявил Маниу, — я не хотел бы лишать этого блага остальных румын».

АФИНЫ. В связи с тем, что почти все подозрительные с точки зрения монархистов лица уже давно арестованы, полицейские власти распорядились об аресте всех родственников подозрительных лиц, а также лиц, подозреваемых в родстве с этими родственниками.

ПЕГАСЫ НА ЗАГОТОВКАХ

ДОЛГОЕ время молчали музы в городе Суздале. На страницах суздальской «Колхозной газеты» читатель не находил поэтического отклика на многие события текущего года, на большие дни в советском календаре. Наконец редактор газеты З. Смирнова решила запрячь местного Пегаса. 14 сентября в «Колхозной газете» напечатано стихотворение А. Батаева «Золотая осень». Автор рассказывает о своей любви к этой поре:

«Мила мне осень золотая,
Её люблю я с ранних лет.
Она идёт вся расписная,
И ей — мой искренний привет!»

Автор рисует осенние пейзажи. Он наблюдает, как «деревья жёлтыми листьями глядятся в синие пруды». Он видит, как «разливается широко над полем светлая лазурь». Но не только пейзаж присутствует в стихотворении. В нём есть успокаивающий и обнадеживающий прогноз погоды: «До холодов ещё далеко, не слышно и осенних бурь». В стихотворении, наконец, подведены итоги уборочной и хлебозаготовительной кампаний. Эти итоги с точки зрения поэта весьма оптимистичны. Он восклицает:

«Богаты нынче были тразы,
Им до зимы в стогах лежать.
Как хороши сейчас дубравы,
Какая всюду благодать!»

Автор, следуя по пятам за осенью, заглядывает в амбары:

«Она идёт, красой блистает,
Вся разноцветна и пышна.
И доотказа наполняет
Душистым хлебом закрома».

Мы не возражали бы против стихов, если бы буквально рядом с ними, в том же номере газеты, не было бы сводки хода хлебозаготовок в Суздальском районе. Данные этой сводки находятся в вопиющем противоречии с картиной, изображённой стихотворцем. Судя по сводке, закрома района далеко не заполнены душистым зерном по той причине, что оное зерно ещё не обмолочено. Рядом с поэзией находим мы в районной газете следующую прозу:

«Резко снизили темпы вывозки хлеба колхозы Романовского сельсовета, который не толь-

ко потерял первое место, но спустился на шестое».

«Попрежнему отстают сельсоветы Туртинский, Яневский, Спас-Городищевский и ряд колхозов заречной стороны».

Ещё неделей раньше газета меланхолическим тоном отмечала спад хлебозаготовок в районе: «Если в последнюю пятидневку августа сдано хлеба более 350 тонн, то за пять дней сентября сдано 220 тонн».

Такова проза осени в Суздале. Как видите, она противоречит поэзии А. Батаева. «Золотую осень» приходится рассматривать как искусство для искусства и как проявление недомыслия редакции, пустившей лирического Пегаса на страницы газеты.

Пушкин, снисходя к «слабостям» стихотворцев, шутиливо замечал, что поэзия может быть глуповатой. Учитывая совет Пушкина, мы не предъявляем к районному стихотворцу серьёзных требований. Нам больше хочется спросить с редакции газеты «Голос труда», которая освещает уборку и заготовки в другом, серьёзном жанре.

Газета «Голос труда» (выходит в городе Александрове) рассказала о копке картофеля в колхозе «13 лет Октября», Холоповского сельсовета. Газета так писала о производительности труда:

«За первые два дня выкопано три гектара картофеля. Каждый колхозник в среднем убирает по 16 гектаров».

История отечественного земледелия не знает такого рекорда, который открыла Е. В. Жиулина, редактирующая «Голос труда». Колхозники района, естественно, были ошеломлены этой сенсацией. Они хотели бы посмотреть Микулу Селяниновича из артели «13 лет Октября» и перенять его опыт, но их смутило заявление о сроках завершения уборочной кампании. Заголовок статьи об опыте холоповского передовика гласил:

«Уборка картофеля будет закончена к 5 декабря».

Зело шалят Пегасы в Суздале и в Александрове!

И. РЯБОВ

Владимирская область.

ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ

ПОЛГОДА назад тов. Мелешин, выступая перед широкой аудиторией, скорбно, но внушительно заявлял:

— Да, товарищи, я должен признать, что в моей работе имеют место серьезные недостатки. Критика по моему адресу справедлива, поскольку я действительно недоучёл, недопонял и невыполнил. Я целиком и полностью признаю весь объём своей ответственности за допущенные упущения в области практической работы по развёртыванию конкретных мероприятий в части выполнения и перевыполнения. Но я должен авторитетно заявить, что справедливо отмеченные в моей работе недостатки будут в самое ближайшее время решительно ликвидированы.

Через три месяца перед ещё более многочисленной аудиторией тов. Мелешин говорил ещё более скорбно и вместе с тем ещё более внушительно:

— Тут речь коснулась меня. Что же, критика — наше острее оружие. Я целиком и полностью признаю себя ответственным за вскрытые в моей работе существенные недостатки. Я позволю себе авторитетно заверить, что данная острая и принципиальная критика поможет мне решительно и энергично выправить положение в области практических ме-

роприятий по части развёртывания дальнейшей работы в направлении закрепления некоторых достигнутых положительных моментов.

Прошёл ещё квартал, и на одном из расширенных пленарных заседаний тов. Мелешин с присущей ему солидностью констатировал:

— Отрицать не приходится. В части развёртывания практической работы по выполнению конкретных мероприятий я действительно проглядел целый ряд недопустимых недочётов и не могу себе этого простить. Но я считаю своей обязанностью резко и решительно подчеркнуть, что целиком и полностью беру на себя всю полноту ответственности за разрешение задач в части крутого поднятия уровня в области развёртывания работы по выполнению практических мероприятий.

И, наконец, недавно перед совсем малочисленной аудиторией (собрание первичной парторганизации) тов. Мелешин сказал:

— Я целиком и полностью... Но я прошу...

Но результат голосования не оправдал надежд тов. Мелешина.

А решение маленькой аудитории было целиком и полностью одобрено всеми другими аудиториями — многочисленными, расширенными и ответственными.

А. ТОЛСТИХИН

Улан-Удэ.

РЫСИСТОЕ РУКОВОДСТВО

Многие областные и районные работники считают своей задачей во время хлебозаготовительной кампании объехать как можно больше колхозов, не задерживаясь ни в одном из них.

Рис. И. Семёнова

— Вот чудак! Сам признаёт, что должен остановиться, а не останавливается!

«СОХРАНЯЙТЕ УЛЫБКУ!»

(ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА)

АНГЛИЧАНЕ ценят юмор. В Лондоне — в учреждениях, конторах и просто на улице — можно встретить небольшой плакат со словами: «Кэйп смиллинг!» («Сохраняйте улыбку!»). Не знаю, какие обстоятельства имел в виду неизвестный автор, обращаясь к своим соотечественникам с этим настойчивым призывом, но мне лично популярный плакат пригодился: сталкиваясь с отдельными явлениями и фактами английской жизни, я следовала доброму совету улыбаться — даже тогда, когда явления и факты казались мне не столь комичными.

МОЙ СОБЕСЕДНИК УДИВЛЯЕТСЯ

«Он (англичанин) всегда способен удивляться и всегда удивляется, находя себя в какой-то степени вызывающим удивление», — так говорит Томас Берг в своей книжке «Англичане и их страна».

Это замечание вспомнилось мне в вагоне-ресторане английского экспресса. На меня смотрели, несомненно, удивлённые серые глаза британца, лысоватого молодого человека с крупным носом, продолжающим крутую линию лба.

— Простите, — сказал молодой человек после нескольких общепринятых фраз, — простите, насколько я понял, вы русская. Не могли бы вы сказать мне: у вас на родине женщины красят губы?

— Да. Многие красят.

— Простите, но я сам читал в наших газетах, что в Советском Союзе не только не принято красить губы, но даже как будто запрещено особым законом!

— В вашей газете писали неправду.

Мой собеседник помолчал и снова спросил меня несколько более робко:

— Простите, можно ли в советском поезде пообедать — вот так, как мы сейчас с вами обедаем?

— Да, можно именно так пообедать и даже лучше, — сказала я, отодвигая чашку с чёрным несладким кофе. — В наших поездах есть специальные вагоны-рестораны...

— Боже мой! — довольно искренно воскликнул англичанин. — Вагоны-рестораны в Советской России! Как не стыдно нашим газетам писать всякую чушь о вас!

Тут уже я с любопытством взглянула на своего собеседника и сказала:

— Простите, не могли бы вы назвать мне **ваше** имя? Боюсь, мои соотечественники могут не поверить, что я встретила англичанина, абсолютно ничего не знающего о Советском Союзе.

— Пожалуйста, — любезно согласился молодой человек. — Моё имя — Вильяр, доктор Вильяр, — так и скажите вашим друзьям. И если хотите, я могу назвать вам ещё несколько подлинных имён моих друзей, которые знают о Советском Союзе ровно столько же, сколько и я.

«ЛИГА ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ»

В одном из лондонских клубов изящная англичанка спросила меня, есть ли в Москве «Лига замужних женщин». Узнав, что у нас нет такой «лиги», англичанка сокрушённо покачала головой:

— Как вы можете жить без «Лиги замужней женщины»?!

— Расскажите мне о вашей «лиге», — попросила я. — Если это действительно так хорошо и интересно, то мы, возможно, организуем и у себя «Лигу замужней женщины».

— Прекрасно! — воскликнула поборница «лиги» и принялась горячо объяснять мне суть дела:

— У «лиги» много различных задач. Самая главная — защищать интересы матери и ребёнка. Но меня лично особенно привлекает такая задача «лиги», как изыскание личных средств для замужних женщин. Мы обмениваемся опытом. Вот, например, при меблировке квартиры можно покупать вещи в более дешёвом магазине, и отсюда у замужней женщины образуются личные средства. Точно так же при покупке продуктов...

— Позвольте, — прервала я, — но почему вы называете сумму, полученную от экономии, вашими личными средствами, а затраченную сумму — не вашими личными средствами?

— Как же! Ведь те деньги мне дал муж, — эти деньги я сама сэкономила, — просто сказала англичанка, глядя на меня ясными голубыми глазами.

МОРОЖЕНЩИК-ИНДИВИДУАЛИСТ

Мороженщик, о котором идёт речь, стоял обычно со своим товаром на Тауэр-стрит, возле Темзы. Хрупкую светложёлтую горку круглых вафлей, не защищённую ни навесом, ни просто бумагой, оведали лондонские ветры, смешанные с парходным дымом доков. Вафли эти и доступное обозрению прохожих мороженое в открытых блестящих сосудах как бы обращались к каждому: «Купи нас!» В нескольких шагах от мороженщика возвышались круглые желтоватые башни Тауэра с узенькими прорезами окон. Поодаль виднелись две стройные башни с белыми макушками знаменитого моста «Тауэр-бридж», похожие немного на громадные цилиндрические вафли, щедро начинённые мороженым.

— Ваш товар составляет своеобразный ансамбль с окружающими зданиями, — сказала я продавцу.

Он довольно усмехнулся:

— Да, миссис, место выбрано удачно. Здесь каждый день бывает много посетителей — охотников полюбоваться стариной. Ведь тут, например, где я стою, была площадка для наказания государственных преступников, а теперь, видите, я свободно развёртываю здесь свою торговлю... Свободное развитие личности характерно для нашей страны! — добавил он несколько неожиданно тоном музейного гида.

Через несколько дней я снова остановилась возле мороженщика и обратила внимание на его мрачную физиономию.

Он держал в руках номер лондонской газеты «Ивнинг стандарт» от 14 августа. В этой газете, под заголовком «Проверка лондонских мороженщиков», приводили примеры антисанитарного состояния уличной торговли. Мороженщик был явно возмущён.

— Это — влияние левых! — говорил он внушительно. — Но я не позволю подавлять свою индивидуальность! Моё мороженое — как хочу так и торгую!..

И он ещё раз решительно произнёс:

— Личность имеет право развиваться свободно!

О ВЕЖЛИВОСТИ

Англичане вежливы даже по отношению к животным. Я сказала бы, что сами лингвистические формы речи требуют некоторой церемонной вежливости: в английском языке нет, например, обращения «ты» (оно сохранилось только по отношению к богу).

Однажды, спускаясь по лестнице нашего отеля, я услышала несколько более громкую, чем обычно, но выдержанную в более или менее вежливой форме речь хозяйки отеля. Одновременно раздался резкий кошачий визг.

— Вы собака, Ричард! — восклицала хозяйка отеля, энергично дёргая за ухо пушистого рыжего кота. — Вы собака! Чтоб вам было пусто! Что вы сделали с этим листом, который я повесила в гостиной? Вы изорвали его вашими скверными когтями!

Хозяйка отеля трагически протянула мне разорванный лист глянцевиной бумаги, и я невольно улыбнулась, узнав знакомый плакат: «Сохраняйте улыбку!»

Иллюстрации О. Верейского

О зубах, пальцах и т. д.

МОЖНО ли обменять зубную боль на доски, гвозди или дюралюминий? Можно.

Вот, скажем, заболел зуб у вас или у вашего приятеля (лучше — у приятеля). Боль с каждым часом увеличивается, захлёстывая горячей волной все ваши помыслы, желания и чувства.

Всю долгую ночь вы ни на миг не сомкнули глаз. Вы не находили себе места, лезли на стенку, поминали всех святых — вообще честно продельвали всё то, что полагается в таких случаях.

Утром, чуть свет, вы, не чуя ног под собой, понеслись в поликлинику. И вот вы сидите в мягком, комфортабельном кресле у зубного врача и без особого восхищения рассматриваете разложенные против вас на столике сверкающие орудия пытки.

Вам велят открыть рот — пошире, ещё шире, ещё, пожалуйста, шире! И как только вы научились хорошо открывать рот, зубной врач засовывает туда палец, а затем говорит этот спокойно и деловито:

— У вас, кажется, кругляк.

Вы начинаете медленно, но верно покрываться холодным потом.

— А вы... уверены... в этом?

— Вполне! — отвечает он мрачно и решительно, как грозный судья, выносящий суровый, но справедливый приговор.

— Доктор, — лепечете вы, еле переводя дыхание. — Это очень опасно — кругляк?

— Совсем не опасно. Ведь нам всего кубометра три — четыре. Никто и знать не должен.

— Ничего не понимаю, доктор. О чём вы толкуете?

— О кругляке. Ну, о круглом лесе. У вас он, я знаю, есть на складах. А нам нужно ремонтировать сарай.

— А при чём тут, простите, мой зуб?

— Дадите кругляк, вылечим зуб. Зуб за кругляк, и кругляк за зуб!

Я вас знаю, мой милый читатель. Слава богу, не первый год встречаемся. И я вижу сейчас на вашем лице скептическую улыбку: в жизни, дескать, ничего подобного не бывает.

Не бывает? Так вот послушайте.

На одном из заводов Воронежа работает старый, кадровый рабочий тов. Корытько. Уж несколько месяцев, как Корытько мается зубами.

Недавно завком обратился с письмом в областную поликлинику, в котором

«просит оказать содействие кадровому рабочему нашего завода тов. Корытько в изготовлении зубных протезов, так как состояние с его зубами чрезвычайно тяжёлое».

Поликлиника немедленно ответила:

«Воронежская областная поликлиника просит отпустить 5 листов дюралюминия, необходимых для покрытия столов зубных техни-

ков, после чего гр. Корытько будет изготовлены зубные протезы вне очереди».

Гл. врач Седова».

Короче говоря, предлагается обыкновенная товарообменная сделка:

— Зубы за дюралюминий, дюралюминий за зубы.

Мы отнюдь не собираемся обвинять тов. Седову в каких-либо корыстных побуждениях. Она хлопочет об интересах поликлиники.

Но может ли врач ставить вопрос о здоровье человека в зависимости от того, дадут ли в обмен за лечение дюралюминий, брёвна, гвозди?!

Товарообменные операции — старая тема. Но она, эта тема, несмотря на свой преклонный возраст, неплохо сохранилась.

Причём некоторые комбинаторы так вошли в свою роль, что даже перестали стесняться. Они говорят о своих сделках не шопотом, как о деле постыдном, а весьма открыто и громкогласно.

Начальник Ивановского горжилснаба тов. Иванов пишет официальное письмо директору Ивановского авторемзавода, в котором просит отпустить для автомашины поршневые пальцы и другие детали.

Письмо о пальцах заканчивается обнадёживающими строками:

«Одновременно горжилснаб может помочь (!) в приобретении стройматериалов».

Словом, зубы за дюралюминий, а пальцы за доски.

Г. РЫКЛИН

МЕРА ВРЕМЕНИ

Рис. Е. Евгана

— В первой части своего доклада я остановился на общих вопросах...

— ...Теперь поговорим о конкретных ошибках аппарата...

— ...Что? Сказать что-либо о недостатках своей работы? Но, как видите, время моё истекло.

«ЗНАЮЩИХ ПРОСЯТ СООБЩИТЬ ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ»

Бухгалтер производил перерегистрацию движимого имущества Читинского бактериологического института. Тут он и обнаружил, что не хватает пары лошадей.

— Где же лошади? — спросил бухгалтер.

— Позвольте, в самом деле, где же лошади? — спросил директор.

— Не знаю, — ответил завхоз, — потерялись, должно быть.

— Ну что ж, — распорядился директор, — заприходуйте потерю.

Бухгалтер помялся и сказал:

— Убытки полезнее не приходовать, а списывать. Для сей операции необходим официальный документ, каковым является, скажем, газетное объявление.

Через некоторое время в газете «Забайкальский рабочий» (№ 103) и появилось такое объявление:

«Потерялись две лошади несколько месяцев тому назад: одна вороная в американке с колёсами от ГАЗ-А. Вторая монгольской породы рыжей масти, грива в правую сторону...»

Знающих местонахождение лошадей просим сообщить за вознаграждение: Чита, ул. Ленина, 37, Бакинститут».

По нашим сведениям, обе лошади и вороная и вторая — рыжей масти, перекинувшая гриву на левую сторону (чтоб не опознали!), находятся в районе Читы и потешаются над авторами объявления, которые стараются с такой лошадиной неуклюжестью оправдать свою бесхозяйственность.

ПОЯСНЕНИЕ К ОДНОМУ ФОТО

Архангельская газета «Правда Севера» получила от Фотохроники ТАСС снимок, изображающий маленьких обитателей детского сада во время «мёртвого часа». Текстовка же, приложенная к снимку, гласит, что на нём запечатлён победитель шахматного турнира в Ленинграде А. Толуш.

В «Правде Севера» это вызвало недоумение: дескать, как могла произойти такая путаница?

А мы не недоумеем. Мы догадываемся, что путаница в Фотохронике ТАСС — результат халатности. Или — результат безответственности. Или — результат халатности плюс безответственность. Или наоборот.

РОСТОВСКИЕ ДЕРЗАНИЯ

Нам неизвестно, когда осенила председателя горисполкома города Ростов-Ярославский тов. Бакалдина эта блестящая мысль.

По его распоряжению внезапно возникла в сквере чугунная беседка, которая доселе находилась на могиле известного в Ростове-Ярославском историка местного края Титова.

А вот урна, снятая с другой могилы того же кладбища и перенесённая на привокзальную площадь.

Наскоро заделанная чем-то вроде замазки печальная надпись вскорости обнажилась, и жители города Ростова, равно как и транзитные пассажиры железной дороги, снующие по вокзалу и площади, с удивлением читают на урне:

«Здесь поконится прах второй гильдии купца Кандалова Василия Михайловича, умершего в 1833 г. 28-го мая в 10 часов пополудни».

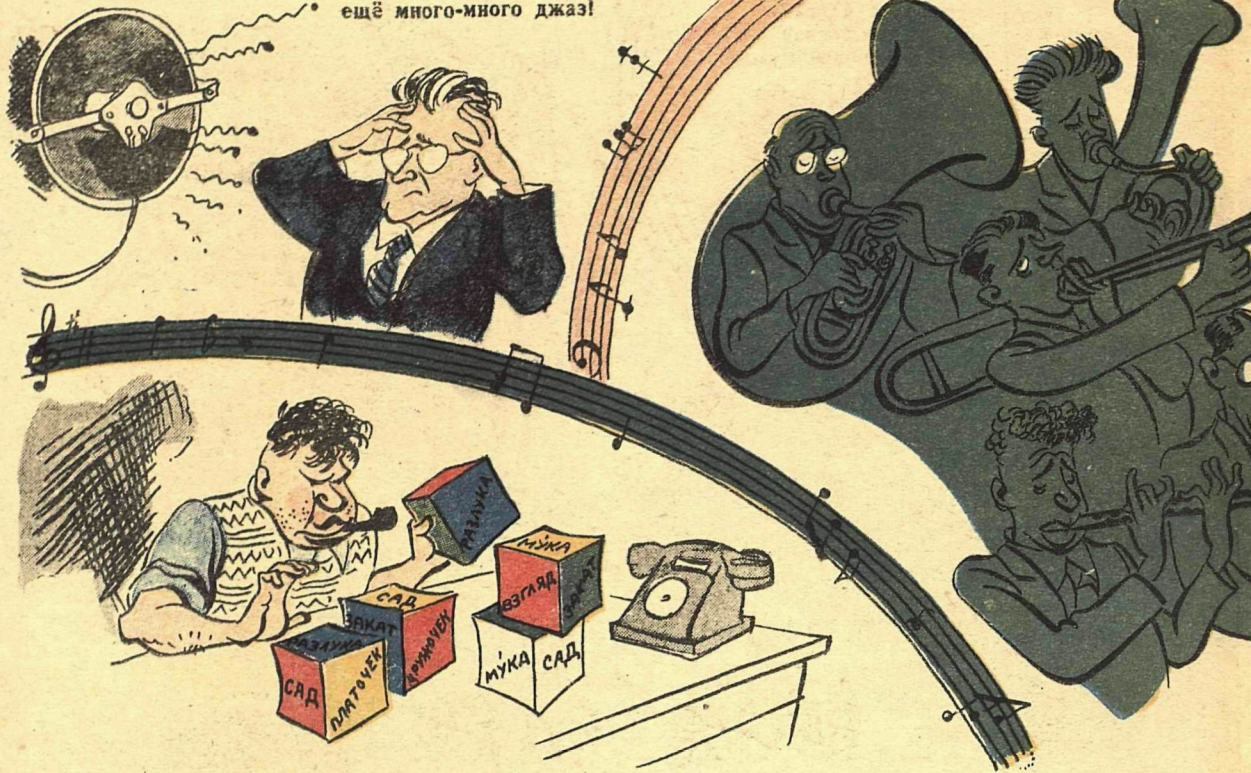
Не успокоившись на достигнутых успехах, Бакалдин вскоре украсил тротуар одной из ростовских улиц надгробными плитами, также не лишёнными соответствующих текстов. И прохожие застывают на ходу с поднятою в воздух ногою, прочтя на тротуаре:

«Кто бы ты ни был, не топчи мой прах, ибо я дома, ты ещё в гостях...»

Как видите, есть что почитать на улицах Ростова-Ярославского!

Рис. Бор. Ефимова

— Эх, джаз, ещё джаз, ещё много-много джаз!

Песнотворец за работой.

БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

ПЕТР Иванович Милонов не обладал ораторскими способностями. Говорил он всегда вяло, повторялся, делал большие паузы, подыскивая нужные слова.

Он сам частенько говорил про себя:

— Я, друзья мои, не оратор, совсем даже не оратор.

Ну, что ж, не оратор — так не оратор. Не в этом, так сказать, суть. Тем более что Пётр Иванович не был юристом или лектором, а заведывал Мосстудом. В конце концов заведующий Мосстудом может и не быть оратором.

Но была одна тема, касаясь которой, в частном ли разговоре или на совещании, Пётр Иванович, к удивлению всех, преображался. Куда в это время девались медлительность его речи, повторения! Нет, тут речь Петра Ивановича становилась упругой, слова едкими, разящими, бичующими. Его выступления на эту тему пользовались большой популярностью среди сотрудников Мосстудла. Уже часа за два до совещания в кулуарах учреждения шли такие разговоры:

— Сегодня, по всей вероятности, Пётр Иванович будет перестраховщиков крыть.

— Ударит, так сказать, по перестраховщикам.

И действительно, не щадил Пётр Иванович перестраховщиков. Родного отца, оказавшись он перестраховщиком, не помиловал бы.

И ещё одно свойство характера отличало Петра Ивановича. Он был необычайно приветливым человеком. К каждому посетителю, который приходил в Мосстуд, относился Пётр Иванович внимательно, ласково.

— Слушаю, слушаю вас, — говорил Пётр Иванович ласково. — Да садитесь в это кресло, тут вам будет удобнее. Курите?

— Спасибо. Хотим мы, товарищ Милонов, изменить фасон спинки стула. Вот, пожалуйста, рисунок. Во-первых, куда интереснее получается, во-вторых, дешевле. А перестройка производства весьма незначительная. Во всяком случае, вполне рентабельна. Тут вот в нашей записке всё изложено.

— Интересно, интересно, — говорил Пётр Иванович, рассматривая рисунок. — Очень интересно. Рентабельно, говорите? Ну, это совсем хорошо.

И рука его тянулась к синему карандашу.

«Неужели сразу наложит резолюцию? — думал посетитель. — Вот человек! Действительно, правду говорят про него: ни волокиты, ни перестраховки!»

Но рука Петра Ивановича до карандаша так и не дотягивалась.

— Вы тут хорошее дело собираетесь делать, — говорил он ласково, — но только робко, я бы сказал, не до конца. Ежели выгодно то, что вы предлагаете, так почему же частично переводите производство на эти рельсы, чего, собственно, боитесь? Не подобает нам бояться.

ВЫ ПРОСИ

«Боже мой, — думал посетитель, — вающимся от волнения голосом!»

— Да не решались, Пётр Иванович, сказать, частично.

Лицо Петра Ивановича стало краснеть.

— Робость — родная сестра трусости, а потом ещё раз попробуем, а потом ещё раз попробуем. Как бы чего не вышло! Нет, ты оставьте материалы, решим в другой раз.

— А когда разрешите заглянуть?

— Да уж не задержим.

И при этом выражение лица посетителя понимал, что если утром Милонову, то получит в ответ:

Но ни на второй день, ни на третий посетитель от Милонова ответа не дождался. Милонова было невозможно заставить было попасть к нему на приём. Но после этого не только увидели след. Секретарь Милонова, Зинаида, женщина средних лет, сама к себе не приходила, а приходила где же находится её начальница, какими, каким же способом.

— Алло! Это представитель Лоскутков. Я насчёт изменения.

— Понятно. Понятно.

— Я уже девятый день вот жду.

— Ничего к вам не имею.

— Простите, это я к вам имею.

— Имеете?

— Когда же будет товарищ Милонов?

— Это в зависимости от того, когда он в министерстве, то, наверно, завтра придет, если не поедет в командировку. Возможно, что его задержат. Кстати, вы не знаете, состоит ли Милонов?

— У Каблукова? — задумался посетитель, незаметно для самого посетителя.

поисков неуловимого Петра Ивановича. В зависимости от того, даст ли Милонов?

— А как вы думаете, она ли?

— Как вам сказать? По-моему, мне поймай товарища Милонова.

— Да он сам нам необходим. Нада Павловна, уже вполне с собой.

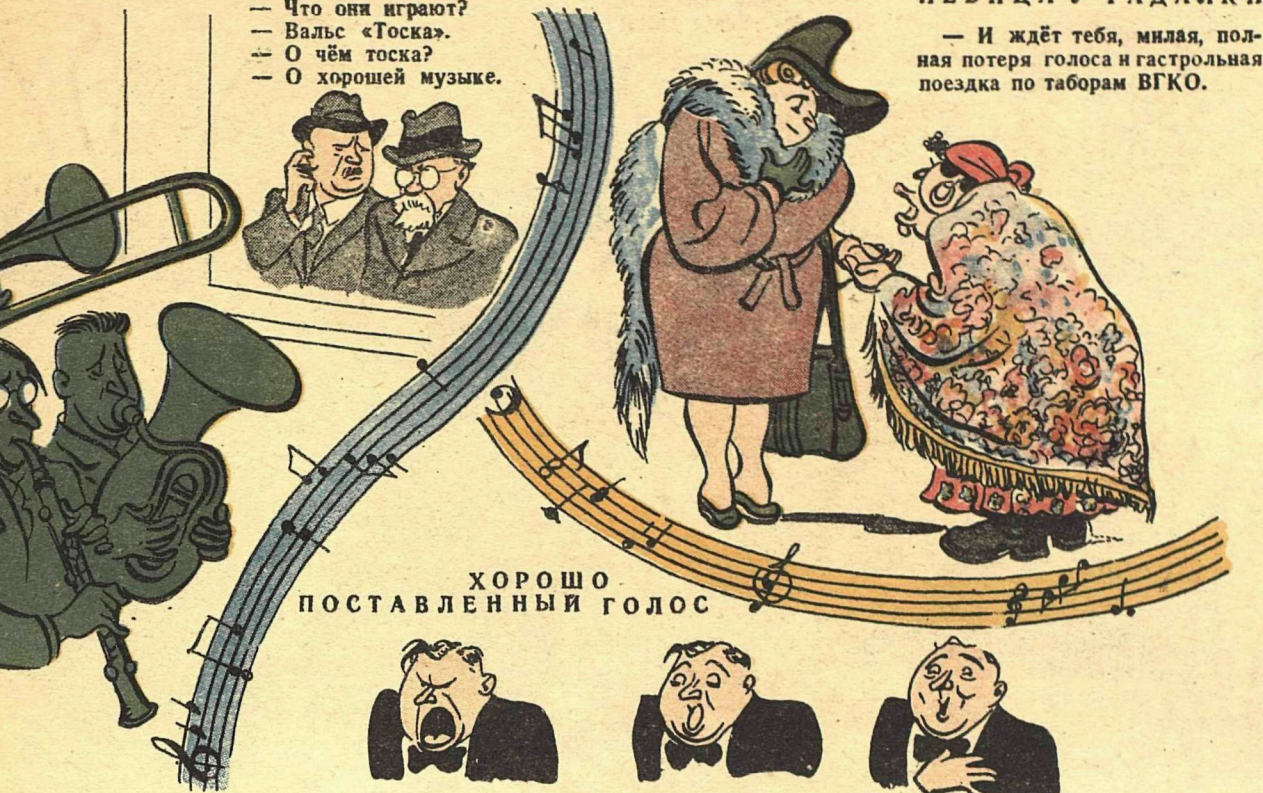
— И вам он нужен? — говорил посетитель, втянутый в разговор.

— Конечно, конечно... Знаете, десять. Думаю, что мы его поймем.

Но несмотря на то, что и при этом посетитель не решался сказать, частично.

ИТЕ ПЕСЕН...

- Что они играют?
- Вальс «Госка».
- О чём тоска?
- О хорошей музыке.

ХОРОШО
ПОСТАВЛЕННЫЙ ГОЛОС

О режиссёре го-
ворит басом.

О директоре те-
атра — тенором.

О Комитете по делам искусств-
лирическим сопрано.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕВИЦА У ГАДАЛКИ

— И ждёт тебя, милая, пол-
ная потеря голоса и гастрольная
поездка по таборам ВГКО.

«ПРОТИВ ВСЯКОМУ ИЗРАНЕНИЮ»

До чего заботливо Московское аптекоуправ-
ление! Например, вам нужны очки. Вы отпра-
вляетесь в магазин Аптекоуправления, и здесь
вашему вниманию предлагается любая пара оч-
ков.

Кроме того вы получаете специальную ткань
для протирания стёкол и подробную инструк-
цию, как пользоваться этой тканью.

Вы надеваете только что приобретённые очки
и читаете:

«Каждая пара пластических линз «Igard»
пластическая Линзы снабжена этой чехлом-
тканью которой предназначением является
хранение линз во-время неупотребления, как
тоже для протирания.

Нельзя тереть сильно и не полагается клась
очков лицом вниз без предохранительного
чехла.

Линзы «Igard» никогда не разбиваются и не
обесцвечивают а всегда защищают глаза про-
тив всякому изранению».

Теперь поскорей снимите очки, хорошенько
протрите воспалённые от такого чтения глаза и
никогда больше не заглядывайте в эту инструк-
цию, которая вопреки мнению Аптекоуправле-
ния вовсе не защищает глаза «против всякому
изранению».

МУЗЫКАЛЬНАЯ АСТРОНОМИЯ

Ещё со времён открытия Луны известен
анекдот о человеке, спутавшем астрономию с
гастрономией. Этот человек якобы утверждал,
что он является астрономом на том основании,
что любит вкусно поесть. Теперь в нашем рас-
поряжении имеется факт из новейшей истори-
и о редакторе, спутавшем обсерваторию с...
консерваторией. Вот что сообщает по этому
поводу заинтересованным лицам газета «Но-
вороссийской рабочий» в информации из
Ленинграда:

«Особое внимание уделяется строи-
тельству новой Пулковской консервато-
рии, которое должно быть завершено к
концу пятилетки».

И подумать только, какое множество всяких
слов повыводили люди! Тут тебе и обсерва-
тория, и консистория, и консерватория, и даже—
консервы. Поневоле запутаешься.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ПОЛНЫЙ СЕРВИС

Объявление из бузулукской газеты:

«Артель «17 лет Октября» вновь открыла
цех по обслуживанию граждан маникюром,
окраской бровей, ресниц».

НА КОГО ХАРАКТЕРИСТИКА?

«Производственная характеристика на Василь-
ченко Марию Терентьевну. Охранник огорода.
Год рождения 1913.

Васильченко Мария Терентьевна работает в
ОРС'е Ейского морского порта в качестве
охранника с 26/3—45 г. За время своей работы
добросовестно выполняет свою порученную ра-
боту, пользуется уважением со стороны рабо-
чих и служащих.

1/X—46 г. получила выговор начальника
ОРС'а за сон на посту.

За начальника ОРС'а Белкина».

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Ветеринарный врач Ачитской ветлечебницы
(Свердловская область) потряс человечество
следующим документом:

«Справка»

Дана в том, что принадлежащая кобыли-
ца масти карей истощённая с повышенной
температурой, болезнь несердечная. Осво-
бождается от болезни с 6 по 15/VI—46 года.

И. О. ст. вет. врача Пашнин».

гель. — какой человек!» — и сры-
м говорил:

Иванович, думали вначале, так

новилось суровым:

перестраховки. Сперва попро-
ем, а потом ещё раз попробуем.
ек у нас дело не пойдёт. Что ж,
аш вопрос.

ннуть?

а Милонова было такое, что по-
он позвонит даже завтра рано
от него ответ.

третий и даже ни на четвёртый
а не получал. Прежде всего Ми-
ать в главке. Насколько просто
впервые, настолько сложно бы-
ать его, а даже напасть на его
инаида Павловна, очень милая
азалась очень озабоченной тем,
к, и как бы советовалась с окру-
его всё-таки разыскать.

ь четвёртой фабрики говорит.
я фасонов стульев.

добиваюсь..

мею.

Милонов?

о, где он сейчас находится. Если
ое, не раньше семи — восьми ча-
прямо оттуда обедать. Впрочем,
на совещании у Каблукова. Да,
я у Каблукова совещание?

ся представитель четвёртой фаб-
себя втянутый в сложное дело
Ивановича. — Да ведь это в зави-
зная дорога вагоны.

даст?

ему, даст. Так как же всё-таки
лова?

м, прямо вот как! — говорила Зи-
ообщественным голосом.

ил представитель четвёртой фаб-
ство.

те что? Звоните завтра ровно в
маем.

редставитель четвёртой фабрики

и Зинаида Павловна были полны искреннего желания поймать
Милонова, из этого сложнейшего предприятия ещё в течение
нескольких дней ничего путного не получалось. Наконец, Ми-
лонов подходил к телефону — и представитель четвёртой фаб-
рики слышал его бодрый голос.

— Где же вы, дорогой, были? — спрашивал весело Мило-
нов. — Я уж даже осведомлялся: где это он? Давно решён во-
прос. Завтра в семь приходите.

Но назавтра в семь часов Милонова в главке не было: его
куда-то срочно вызвали, его также не было и на другой день,
в девять часов. Через неделю представитель четвёртой фабри-
ки докладывал своему директору, что Милонов неуловим.
Директор звонил по телефону Милонову. Милонова не
оказывалось на месте. Тогда директор звонил в министерство,
там Милонова тоже не было, но там весьма интересовались,
что же слышно с изменением формы стульев. Директор
отвечал, что это дело у Милонова и что Милонов неуловим.
Тогда руководящий работник министерства вызывал к себе
Милонова:

— Что же вы, Пётр Иванович, никак не решите вопрос об
изменении формы стульев на четвёртой фабрике?

— То есть как это я не решаю? Я его решил моментально.
Не понимаю, чего это они бузят? Перестраховщики, честное
слово! Обязательно им нужна бумажка с подписью!

— Ну, как же вы решили? — спрашивал руководящий ра-
ботник министерства.

— Как решил? Фасон хороший?

— Хороший.

— Рентабельно?

— Ну, тут даже ребёнку ясно, что рентабельно, — говорил
руководящий работник министерства, просматривая объясни-
тельную записку фабрики.

— Так в чём же дело?

— Конечно.

— Надо разрешить?

— Надо.

— Ну, так вот я и разрешил. Чего они в самом деле дура-
ка валяют! Вот что, Иван Кузьмич, напишите-ка им письмо
порезче, о том, что вы им разрешаете изменить фасон стульев,
но чтобы, так сказать, в дальнейшем они посмелее проявляли
свою инициативу. Довольно перестраховочкой заниматься!
Я сейчас продиктую вашей машинистке ваше письмо к ним.

Пётр Иванович диктовал письмо машинистке, написанное
от имени руководящего работника министерства, терпеливо
ждал того момента, когда на письме появлялась соответствую-
щая подпись, и уезжал к себе в главку. Он обычно очень торо-
пился. Дело было всегда много, а кроме того предстояло подго-
товиться к очередному совещанию, на котором он хотел по-
настоящему резко, так сказать, ударить по перестраховщикам,
которых, как мы уже сообщали читателю, очень не любил.

Константин ФИНН

Рис. В. Горяева

— Материал-то у вас шёлковый, а вот обращение с покупателями — грубошёрстное.

ОДНАЖДЫ...

НАСТОЯЩАЯ ЦЕНА

Однажды известный английский поэт Бернс, гуляя на берегу реки, увидел, как один богатый негоциант, оступившись, упал в воду. Плавать он не умел и неминуемо утонул бы, если бы какой-то матрос, рискуя жизнью, не спас его.

Негоциант, придя в себя, дал спасителю шиллинг. Присутствующие возмутились ничтожностью такого вознаграждения, но Бернс, обращаясь к ним, сказал:

— Успокойтесь, граждане! Кому же, как не самому спасённому, по-настоящему знать цену своей жизни!

НЕ ВЕРЬТЕ ИНДЮКАМ!

Однажды какой-то знакомый композитора Россини пообещал угостить его жареным индюком с трюфелями. Но проходила неделя за неделей, а обещание всё не выполнялось.

Повстречавшись как-то с Россини, знакомый, смутившись, сказал:

— И рад бы угостить вас индюком, да, говорят, трюфели в этом году очень уж плохи...

— Не верьте, — ответил Россини, — этот слух распускают индюки!

В ЧЕМ РАЗНИЦА

Однажды дирижёра Ганса Бюлова спросили:

— Какая разница между хорошим и плохим дирижёром?

Не задумываясь, Бюлов ответил:

— Хороший дирижёр всегда держит в голове партитуру исполняемого им произведения, а плохой дирижёр, наоборот, во время исполнения держит голову в партитуре.

СКРИПКА ЧАЯ НЕ ПЬЕТ

Однажды некий петербургский меценат, приглашая на чашку чая знаменитого скрипача Венявского, сказал как бы мимоходом:

— Кстати, прихватите с собой и скрипку.

— Благодарю вас от имени моей скрипки, — ответил, улыбаясь, музыкант, — но она чая не пьёт...

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Однажды к Антону Рубинштейну явилась миловидная девушка и попросила популярного композитора прослушать её игру на рояле. Сыграв несколько пьес, девушка, весьма заурядная пианистка, спросила:

— Что вы посоветуете мне делать, maestro?

Рубинштейн снисходительно улыбнулся и ответил:

— Выйти замуж!

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

З А СВОЮ жизнь я прочёл очень много статей, трактовавших о том, что форма и содержание должны быть гармоничны.

Но ничто не могло доказать мне это так ярко, так убедительно, как случайный дорожный эпизод, происшедший в скором поезде Москва—Владивосток.

* * *

До отхода поезда оставалось всего несколько минут.

В нашем купе сидели два весьма симпатичных молодых человека. Один уезжал, другой его провожал. С верхней полки за этими проводками внимательно следил пожилой мужчина, физиономию которого Чехов назвал бы актёрской.

Представьте себе выцветшие серо-голубые глаза, набрякшие мешки под ними, крупный нос в пудре и склеротических жилках.

Молодые люди прощались.

— Так ты, Сеня, обязательно звякни мне из Иркутска, — просил провожающий, положив руку на колено приятеля.

— Звякну обязательно, — заверял тот.

— А если из Иркутска почему-либо будет трудно звякнуть, так ты молнируй, и я сам немедленно брякну.

— Зачем тебе брякать, если я обещаю звякнуть.

Несколько секунд они молчали, а затем отъезжающий немного смущённо попросил:

— Будь добр, Петя, заскочи всё-таки как-нибудь к Оле.

— Заскочу, не волнуйся.

— А если некогда будет, так хотя бы изредка позвякивай ей.

— Сказал, заскочу, — значит, заскочу. Одну же оставлю. Позабочусь. Вот чудило!

В это время по коридору прошёл проводник и попросил провожающих покинуть вагон.

— Ну, пока, — вздохнул Петя, поднимаясь и протягивая руку приятелю.

— Пока.

— Через год увидимся.

Они вышли из купе.

Поезд тронулся. Отъезжающий высунулся из окна, а провожающий шёл рядом с медленнодвигающимся вагоном.

— Значит, я жду звонка, Сеня. Звякнешь?

— Обязательно... А ты брякни Оле!

— И брякну и заскочу... По-ка!

— По-о-ка!

Поезд ускорял ход.

Молодой человек вернулся в купе. Мужчина с актёрской физиономией, свесившись с верхней полки, спросил:

— А это вас кто же, собственно говоря, провожал? Родственник? Приятель?

— Приятель. Даже больше — друг. Славный парень. Мы с ним с детства корешки. Я его люблю больше, чем брата.

— Корешки, — неодобрительно прогудел пожилой мужчина. — Значит, звякни, брякни и пока... А вот, если я провожал приятеля, корешка по-вашему... не только в Иркутск, а даже в Тулу и не на год, а хотя бы на три недели, то его и в объятиях сжимал, и лобызал, и желал удачи в делах.

Молодой человек покраснел, но промолчал, а сидевший у окна какой-то гражданин с газетой небрежно бросил:

— Форма.

— Что-с?

— Форма, говорю. Китайские церемонии.

— Китайские церемонии?! — вспыхнул пожилой мужчина. — По-вашему, выходит, звякнута-брякнута лучше?

— Я не говорю, что лучше, а только утверждаю, что раньше было много фальшивых церемоний.

Тут обитатель верхней полки не выдержал и скатился вниз. Жилки на его носу стали фиолетовыми. Он негодовал:

— Не церемонии были, а чувства. Подлинные чувства, гражданин хороший!

— Что же, сейчас, по-вашему, чувств нет, что ли?

— Той душевности, которая была раньше, нет! Да вот вчера на Волхонке встретил я одного знакомого. Бежит, помахивая портфелем. «Куда?» — спрашиваю. «У меня, — отвечает, — тут приятель помер. Нужно заскочить на гражданскую панихиду».

Он остановился, как бы давая возможность слушателям оценить этот факт.

— А вот, когда умер один мой приятель, мы его на руках через весь город несли. Три дня оплакивали. А этот, вишь, заскочил на панихиду, сказал покойному корешку «пока» и побежал прочь. И то хорошо! Другой даже не заскочит, а только брякнет или звякнет вдове этого покойного чудилы — и всё.

Гражданин с газетой в ответ только усмехнулся, и спор угас.

Уже смеркалось, когда поезд остановился на большой, узловой станции. В открытое окно было видно, как какой-то чемодан в парусиновом чехле, волоча за собой маленького человечка в таком же парусиновом чехле, ринулся к вагону.

А ещё через три минуты и парусиновый багаж и парусиновый пассажир уже водворились на нижней полке нашего купе.

Мужчина с актёрской физиономией долго вглядывался в нового попутчика и вдруг завопил:

— Леонид Васильевич! Ты ли это?!

Парусиновый человечек пытливо сощурил глаза и тоже завопил:

— Бабаев! Костя!

Они крепко обнялись. Потом расцеловались. Потом снова обнялись и долго не разжимали объятий.

А когда, наконец, оторвались друг от друга, парусиновый человечек стал так любовно и внимательно разглядывать лицо приятеля, точно хотел сосчитать все склеротические жилки на его носу:

— А ведь ты совсем не постарел, Костя. Честное слово, такой же молодец, как был.

— Ну, где там, — махнул рукой Бабаев. — Вот ты, действительно, не изменился... А как жена... гм... Василиса...

— Варвара, — поправил маленький человечек.

— Да, да, Варвара... Ведь мы вас часто вспоминаем. Только на прошлой неделе моя старуха расхныкалась: «Где-то теперь Леонид Васильевич и Варвара Павловна?»

— Петровна.

Они снова обнялись и снова звучно расцеловались.

А затем перешли к воспоминаниям.

— Когда же мы с тобой в последний раз виделись? — спросил пожилой Костя, морща лоб. — В Туле, что ли? В тридцать третьем?

— Да нет, в Моршанске, в тридцать первом. Ты главным режиссёром был.

— А разве ты в Моршанске тоже служил?

Леонид Васильевич радостно захихикал:

— Вот те на! Ну и память же у тебя, дружище! Как же не служил, если ты сам меня выпер из труппы в середине сезона. Ну и намаялся я тогда!

— Я тебя выпер? — удивился Бабаев.

— Конечно. Вся история вышла из-за роли короля Лира. Ты, помнится, Костенька, отдал её Барматову.

— Ах, да, — кисло улыбнулся мужчина с актёрской физиономией. — Помню, помню... Только ты, голубчик, был сам виноват. Ты на общем собрании назвал меня пьяным боровом и взяточником.

— Назвал, — согласился парусиновый пассажир. — А за что назвал? Ты же на этом самом собрании заявил, что с моим талантом не Шекспира играть, а шайки в бане ополаскивать.

— А кто швырнул пивную бутылку в суфлёра? — припомнил Бабаев.

— Лимонадную, Костенька. Пивные и водочные бутылочки были больше по вашей специальности.

Они замолчали, видимо, полностью погрузившись в прошлое.

— Да, пожилы всё-таки в своё время, — сухо сказал мужчина с актёрской физиономией, вставая с дивана. — Есть что вспомнить.

И вышел в коридор.

Парусиновый пассажир посмотрел ему вслед и покачал головой.

— Ну и характерец у человека! — сказал он, адресуясь к гражданину с газетой.

— Плохой?

— Ужасный. Если бы цепной пёс пустил его к себе в конуру, то он этого самого пса загрыз бы через полчаса.

— Неужели?!

— Ещё бы! Косыка Бабаев! Страшная личность! Вот пятнадцать лет его не видел и дай бог ещё тридцать не видеть...

На другой день парусиновый пассажир выходил на какой-то узловой станции. Когда пришло время прощаться, он обхватил руками шею мужчины с актёрской физиономией и, припав к его плечу, судорожно зарыдал.

— Будет, будет, Леонид Васильевич, — успокаивал его Бабаев, поглаживая по спине. — Бог даст свидимся.

— Свидимся, Костенька, обязательно свидимся. И ещё поработаем вместе!

— Дай бог, дай бог... Варваре Петровне кланяйся. Поцелуй её покрепче. Скажи, что помним.

— Свою старуху поцелуй.

— Ну, будь здоров!

Они несколько раз звучно расцеловались.

Когда чемодан в парусиновом чехле, волоча за собой маленького человечка в таком же парусиновом чехле, в последний раз мелькнул на платформе, мужчина с актёрской физиономией тяжело вздохнул:

— И ведь подумать только — такой мозглячок, а страшной склочника не найти на земном шаре. А жена его, эта раскрашенная карга Варвара Петровна, ещё хуже...

* * *

Как видите, дорогие товарищи, в обоих случаях форма, увы, совсем не соответствовала содержанию.

Евг. БЕРМОНТ

БОЛЬШАЯ НЕДЕЛЯ

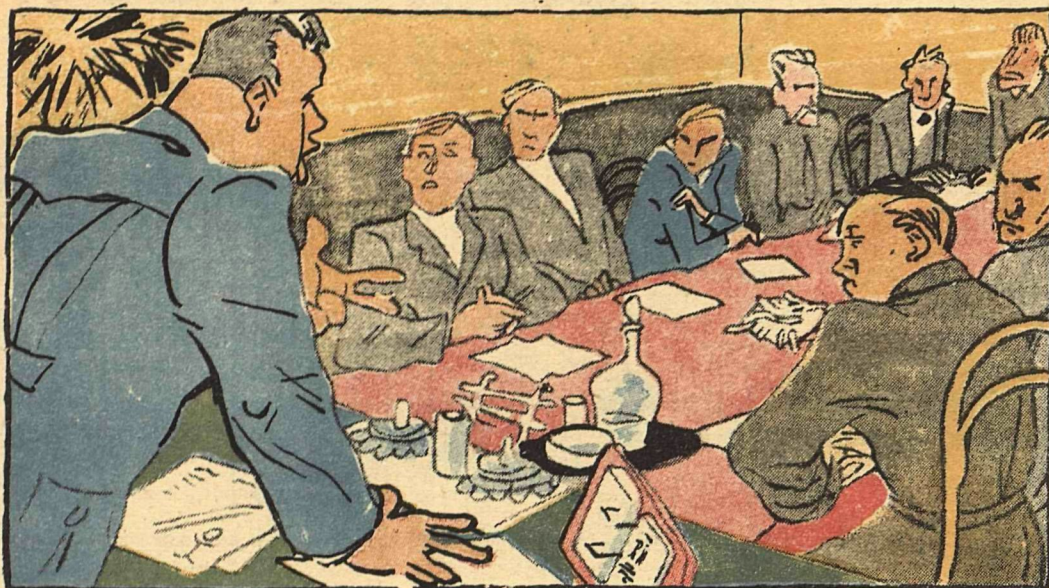
Рис. Б. Фридкина.

Знатный комбайнер одного из колхозов Алтайского края Семён Пятница работает на уборке хлеба вместе с тремя своими сыновьями.

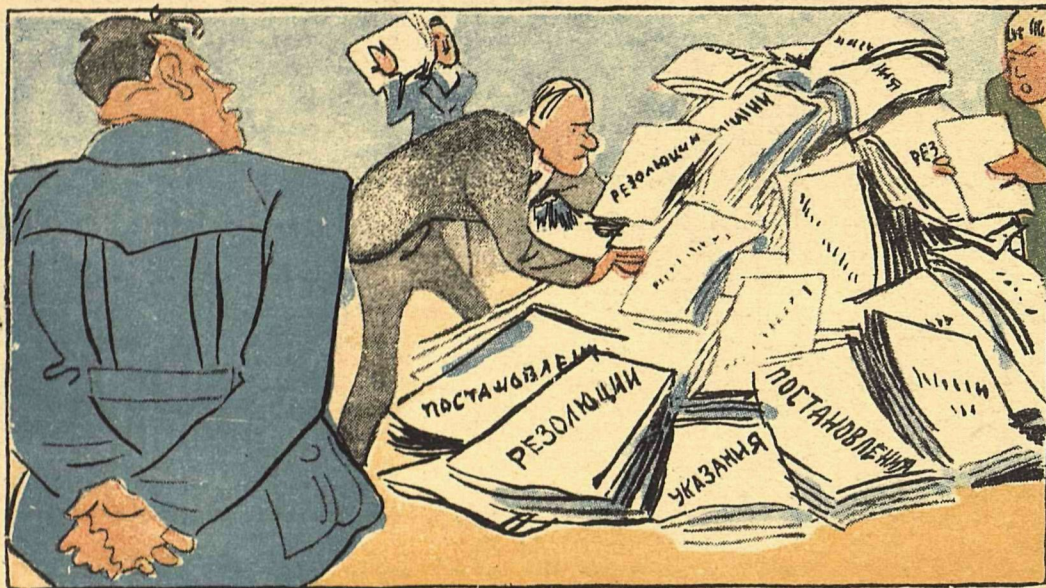

— Почему в соседнем колхозе так много убрали хлеба за неделю?
— Да у них одних Пятниц четыре.

Рис. К. Елисева.

Сначала молили.

Затем скирдовали.

А после — убрали.

ВЕСЬ день Иван Петрович Волчков сидит у себя в бюро жалоб и претензий энской железной дороги и принимает посетителей.

Посетителей много, у каждого своя неприятность, каждого надо выслушать, каждому делу дать законный ход.

К концу приёма у Ивана Петровича от потока упреков и жалоб начинает покалывать в сердце, перед глазами плавают тёмные круги и голова «пухнет».

...В кабинет входит ветхая, но юркая старушка вся в чёрном. В руках она держит какой-то свёрток, завернутый в рваный пуховый платок.

— Садитесь! — сухо говорит Иван Петрович. Старуха покорно садится. Личико у неё маленькое, сморщенное.

— Что у вас? Только пожалуйста... покороче!..

— Меня оштрафовали за Жужу! — шелестит старуха. — Это неправильно!..

— Не понимаю, гражданка! За какое ваше жужу вас оштрафовали? Говорите точнее.

Она извлекает из платка крохотную собачонку японской породы и ставит её на письменный стол. Облезлый уродец на кривых, тонких, как палочки, лапах, дрожа, смотрит на Ивана Петровича выпуклыми, дьявольски умными, умоляющими о чём-то глазами.

Старуха начинает обстоятельно и длинно рассказывать о том, как она поехала со своим Жужу навесить невестку и как контролёр в поезде оштрафовал её за то, что на Жужу не был выправлен собачий билет.

— Но ведь Жужу же — крошка! — возмущается старуха. — Жужу же не слышно и не видно! Я же ношу Жужу же в платке!

От слова «Жужу», повторяемого много раз, у Ивана Петровича всё путается и мешается в голове. Ему кажется, что в череп его залезла огромная муха и, жужжа, пытается выбраться наружу.

— Вас оштрафовали правильно, гражданка! — прерывает он старухины излияния. — Нельзя собак возить бесплатно!

— Какая же Жужу — собака? — светски улыбается старуха, — Жужу — не собака, Жужу — недоразумение!..

— Поскольку у вашего недоразумения имеются четыре лапы, хвост и оно издаёт звуки лая, постольку оно собака, гражданка!

Довод этот не действует на посетительницу, она гнёт свою линию, и опять Иван Петрович слышит: «Жу-жу... Жу-жу... Жу-жу!»

— Хорошо, — говорит он, страдальчески морщась, — мы разберёмся. Оставьте вашу жало-

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В газете «Правда Украины» был напечатан материал о плохой работе Братской МТС, Николаевской области. Через несколько дней после опубликования этого материала министр земледелия УССР тов. Бутенко издал приказ, в котором объявил выговор директору Братской МТС Чумаченко и обязал его исправить все недочёты в течение двух дней.

Смеем заверить тов. Бутенко, что его приказ не будет выполнен даже через два года. Говорим мы так уверенно потому, что Чумаченко скончался за несколько месяцев до того, как ему был объявлен выговор.

О чём с глубоким прискорбием извещаем отдел кадров Министерства земледелия УССР.

Я. МУЛЯР

г. Николаев,

бу. Только не надо жужжать! Жужжать не надо!..

Старуха уходит. Ивану Петровичу безумно хочется сейчас же, немедленно, побегать в отдел кадров — заявить, что он чертовски устал от разбора жалоб и претензий и что он умоляет послать его на оперативную работу на линию, по которой он стосковался, но тут в кабинет входит новый посетитель.

Это пожилой человек, бритый, в золотых очках, в хорошем драповом пальто и серой фетровой шляпе. Лицо у него строгое, даже суровое.

— Профессор Гуляев, — представляется посетитель и садится в кресло у стола.

Иван Петрович смотрит на его строгое лицо и с тоской думает: «Багаж, наверное, у него пропал! Сейчас начнёт нас срамить!»

— Я к вам пришёл с необычным делом, — говорит строгий посетитель. — Вас, может быть, даже удивит мой визит!..

— Нас ничего не может удивить, профессор! Должность такая!.. На что жалуетесь?

— Я пришёл не с жалобой!..

— Значит... претензия у вас?

— И претензий нет. Я пришёл поблагодарить вашу дорогу за хорошую работу!

Иван Петрович часто-часто моргает глазами, потом улыбается и говорит:

— Приятно слышать такое!.. А чем, позволите знать, профессор, наша дорога вам... угодила?

— Я руковожу институтом опытного животноводства, — с тем же непроницаемым выражением на лице заявляет профессор Гуляев. — Ваша дорога перевозила для нас двух куланов — диких ослов. Ценные животные доставлены в отличном состоянии. Я хотел бы особенно отметить инициативу начальника станции Сагарлык. В дороге один кулан почувствовал недомогание, начальник станции Сагарлык сумел вызвать из ближайшего совхоза ветеринара, и животное получило помощь!..

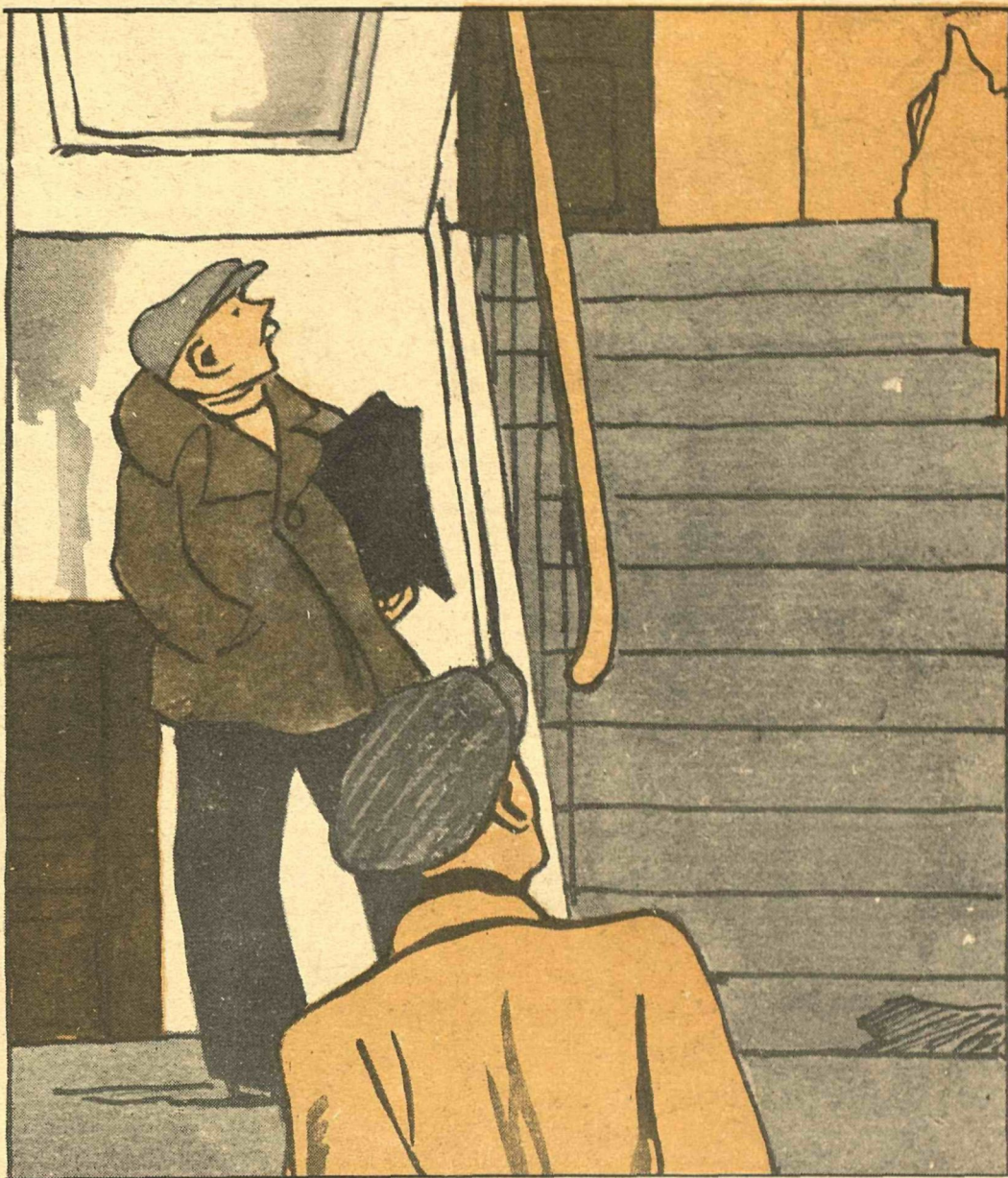
— А как же иначе, профессор? — говорит Иван Петрович, продолжая улыбаться. — Наши люди-то понимают!

Проводив профессора, Иван Петрович снимает трубку настольного телефона и докладывает начальству про историю с куланами. Покончив с докладом, он берёт папку с жалобами и принимается за работу. На душе у него хорошо, радостно, от усталости не осталось и следа.

Он вспоминает досаждавшую ему старуху, её жалкий вид, Жужу на спичечных ножках, его выпученные, умоляющие о чём-то глаза и размашисто пишет на старухином заявлении:

«Считаю возможным штраф снять!»

Леонид ЛЕНЧ

- Ужасно волнуюсь за качество отделки.
- Почему?
- Не знаю, чем отделаюсь. Хорошо, если только выговором.

Уважаемый Крокодил!

В первых числах июля дочь моя послала в Московский институт советской кооперативной торговли свои документы вместе с заявлением, в котором просила допустить её к экзаменам.

Извещением от 12 августа институт сообщил дочери, что приёмные испытания начнутся 10 августа и что в случае явки не в установленный срок она не будет допущена к экзаменам.

«Извещение» было получено дочерью 19 августа, и к экзаменам она, конечно, опоздала. Но её огорчение усугубляется ещё тем, что подпись ответственного секретаря приемной комиссии института на полученном ею «извещении» неразборчива. Таким образом, дочь не знает, кому она обязана потерей года.

Не возьмётся ли Министерство высшего образования СССР выяснить точную фамилию вышеуказанного секретаря-благотетеля?

И. БУРАВКОВ

г. Ровно.

Товарищ Крокодил!

Может ли маленькая бумажка вывести взрослого человека из состояния спокойствия? Может! Вот я, например, не нахожу себе места с тех пор, как получил от галкинского народного судьи тов. Жапарова бумажку о том, чтобы я

выслал ему автомашину, иначе я буду нести ответственность за срыв судебного заседания.

Пойми моё положение: снять автомашину с лесозаготовок значило сорвать план по вывозке леса, за что меня судил бы тот же судья Жапаров.

Каюсь, я не выполнил грозного предписания судьи Жапарова и с трепетом жду теперь сурового приговора.

Н. ПИЗИКОВ,

директор Бескарагайского лесопункта
Павлодарская обл.

Дорогой Крокодил!

Не все знают, что в Коростеньском жилищно-управлении справки выдают только тем, кто принёс свою бумагу.

Чтобы избавить посетителей от напрасного хождения, порекомендуй вывесить в жилищно-управлении плакат: «Справки отпускаются только в тару посетителей».

Л. НИКОЛАЕНКО

Коростень, Житомирской обл.

Дорогой Крокодил!

Прими сигнал бедствия с Ковровского экскаваторного завода. Наш уважаемый главк, именуемый «Главэкскаватор», дал нам убийственное задание: решить около 1200 хитроум-

ных ребусов и решения представить начальству в наискратчайший срок под угрозой снятия со снабжения. Официально эти ребусы облечены в форму 84 типовых заявок на различные материалы и оборудование. В каждой такой заявке по 10—15 граф, и для заполнения каждой графы надо производить кропотливые, сложные расчёты. А там, глядишь, новый квартал, и снова начинай писанину!

Жалко нам бессмысленной траты времени и труда. А главку что? Ему бумажные залежи нестрашны. Небось, экскаваторы свои — выгребут.

Е. ИВАНОВ,

заместитель главного механика
Ковровского экскаваторного завода

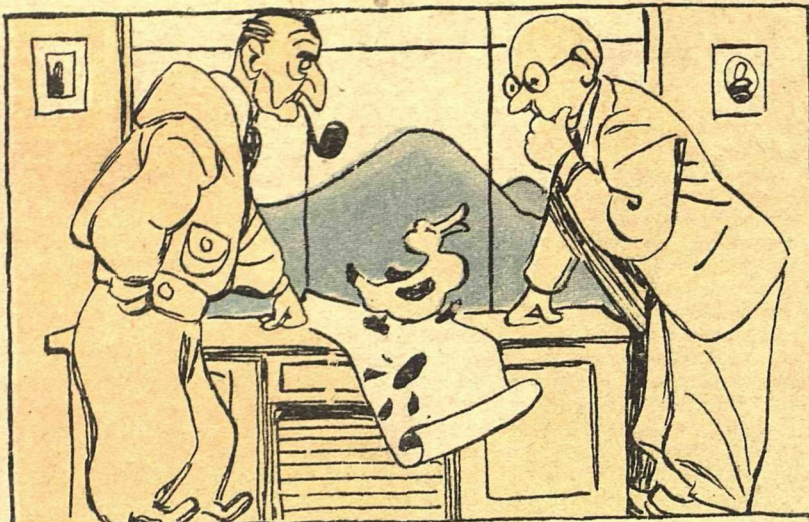
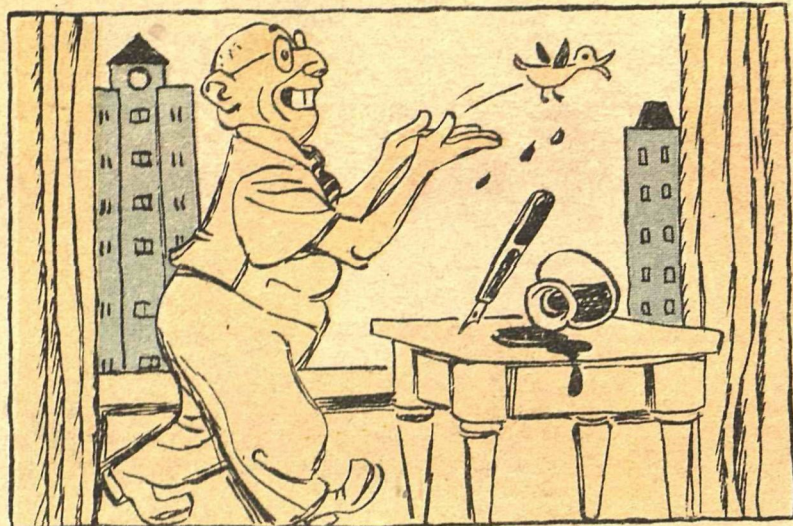
КРОКОДИЛ ПОМОГ:

♦ В № 17 Крокодила было опубликовано письмо майора Дубинского о грубом отношении директора Харьковского медицинского института тов. Шарлай к сотрудникам, Министерство высшего образования СССР указало тов. Шарлай на недопустимость такого поведения.

♦ В старокрымский колхоз «Победа» районный комитет партии послал одновременно четырёх своих уполномоченных. Об этом написали в Крокодил (№ 22) тт. Котов и Козеев. Старо-Крымский районный комитет партии сообщает нам, что бюро райкома осудило такую практику посылки уполномоченных и намечены мероприятия, направленные к улучшению руководства колхозами.

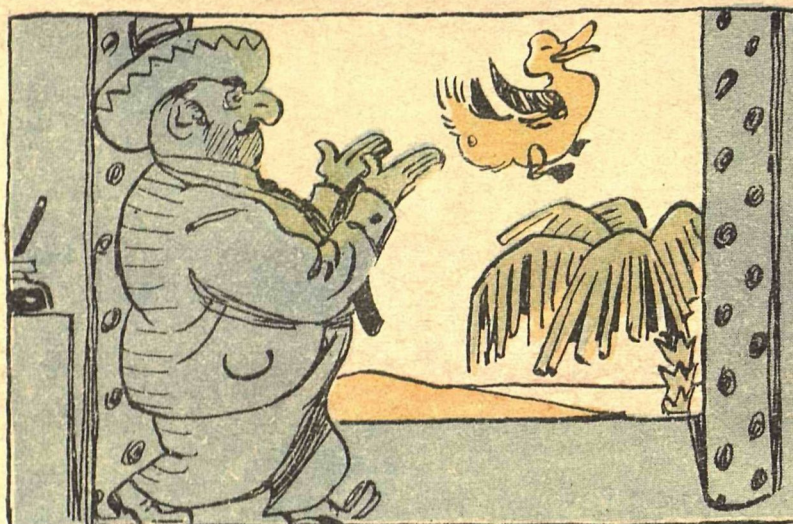
Рис. Ю. Гайфа

(И ВОБОЕ НЕ ОКАЗКА)

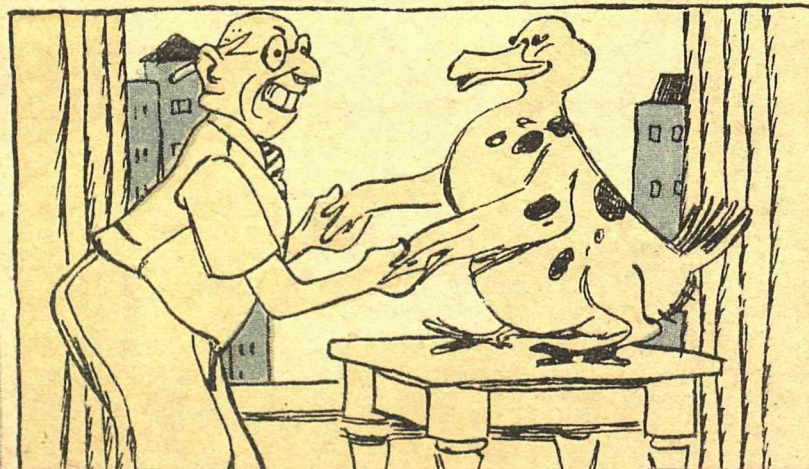
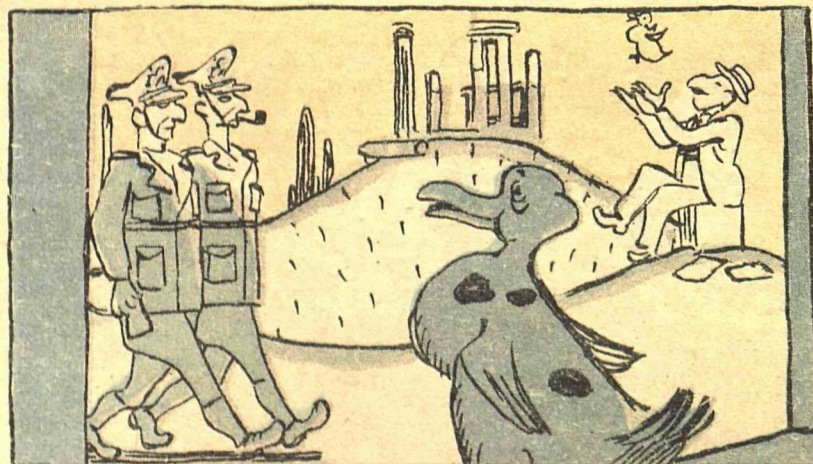
Выселел сотрудник газеты «Ньюс-Бред» очередного газетного утёнка. Выдулился из чернильницы утёнок — жёлтый-прежёлтый, гадкий-прегадкий, — смотреть противно. «Нельзя, — говорит журналист, — такого заморыша на страницы солидной американской газеты пускать. Сбуду его в какую-нибудь страну поменьше». И сбыл чуть оперившегося утёнка в соседнюю Канаду.

Канада — страна хлебная. Живёт гадкий утёнок на чужих хлебах, новыми перьями обрастает, кричать учится. Раз крикнул — опровержение пришло: врёт, мол. Два крикнул — протест поступил: инсинирует-де! Видят канадцы — хлопот с этим утёнком не оберёшься, а у них и своих уток достаточно. «Сбудем, — говорят, — его куда-нибудь подальше». И сбыви в Бразилию.

Бразилия — страна тёплая. Нашёл гадкий утёнок тёплое местечко в редакции одной газеты, стал по-бразильски кричать. Крикает да растёт, растёт да крикает. До того вырос, что бразильцы даже испугались. «Мы, — говорят, — к маленьким птичкам колибри привыкли, а уток хотя и выращиваем, но не таких огромных. Лети в Австралию — там к большим уткам привыкли».

Прилетела утка в Австралию, а там на неё все дивятся: «Экая, — говорят, — крохотная птичка! Далеко ей, — говорят, — до нашей австралийской утки!» И тут же стали в утиную конструкцию всякие австралийские поправки вносить. Испугалась утка поправок, — очень уж много их было! — шархнула в сторону...

...А в какую — и сама поняла не сразу! Сторона как будто не английская, а куда ни поглядишь — англичане стоят, грецкие орехи грызут. По орехам-то этим утка и догадалась, что попала в Грецию. «Ну, — думает утка, — здесь выводить утят нет мне расчёта, полечу к родному гнезду!»

А родное-то гнездо утки (см. рис. первый) известно где. Возвратилась утка в «Ньюс-Бред». Здесь ей несказанно обрадовались. «Нам, — говорят, — такая давно для первой полосы нужна». Схватили её за крылья, чтоб на первую полосу поместить, — аж перья из крыльев повывёргивали. Так по перьям-то и узнали, что утка — своя. А что до выдернутых нечаянно перьев, то вместо них, конечно, купили новые: продажных перьев в этой округе хоть отбавляй!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНЬСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва, Изд. № 630. Подп. к печати 22/X 1946 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2. Кол. зп. в 1 печ. л. 76 000.

А 08608. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2365. Тираж 150 000 экз.